

Лингвокультурная адаптация иммигрантов как фактор снижения уровня этнической напряженности в западноевропейских странах.
Linguocultural adaptation of immigrants as a factor of decreasing ethnical tension in western Europe

Плющенко А. А.

*Плющенко Александра Александровна / Plyushchenko Alexandra Alexandrovna – магистрант,
Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону*

Аннотация: в статье говорится об интенсификации иммиграционных потоков в западноевропейские страны и, как следствие, росте этнической напряженности из-за столкновения различных лингвокультурных систем. В качестве решения проблемы предлагается обязательная лингвокультурная адаптация иммигрантов.

Abstract: the article touches upon intensified immigration flows into Western Europe and consequent increase in ethnical tension there due to the clash of different linguocultural systems. Compulsory linguocultural adaptation of immigrants is proposed as a solution to the problem.

Ключевые слова: лингвокультурная адаптация, иммиграция, культурные ценности, этническая напряженность.

Keywords: linguocultural adaptation, immigration, cultural values, ethnical tension.

Европа традиционно считается регионом-реципиентом переселенцев из менее благополучных с экономической и политической точки зрения регионов. Сегодня мигранты ищут возможности получения социальных и экономических благ, которые недоступны в странах их происхождения, а также политическую стабильность, отсутствующую уже несколько лет в арабском регионе. В этой связи особенно привлекательными для них являются западноевропейские страны, относимые к так называемым странам «золотого миллиарда», характеризующиеся высоким уровнем жизни и отсутствием политических конфликтов. Иммигранты в странах ЕС претендуют на существенные экономические и социальные блага, но не хотят адаптироваться и принимать ценности европейской культуры [14]. Данный процесс с учетом его качественных и количественных характеристик сопровождается ростом этнической напряженности, что при отсутствии грамотного воздействия со стороны управляющих органов стран, принимающих резко возросшие потоки мигрантов из стран Ближнего Востока, приводит к деструктивным социальным последствиям.

В данной связи, релевантным представляется выдвижение гипотезы о необходимости обязательной лингвокультурной адаптации иммигрантов из арабских стран с целью их полноценной интеграции в европейское общество. В рамках данной гипотезы лингвокультурная адаптация предполагается как единственно возможный способ решения кризиса европейской политики мультикультурализма.

Чтобы оценить актуальность данной проблематики, необходимо обратиться к динамике иммиграционных потоков в Западную Европу из других регионов. Их существенная интенсификация происходит в XX веке. Так, в 1950 г. в Западной Европе насчитывалось 5,1 млн. иммигрантов, что составляло 1,3 % от всего населения. Количество иностранцев в западноевропейских странах к 1970 г. увеличилось до 10,2 млн. человек (2,2 % от всего населения), к 1980 г. — до 15 млн. человек (3,1 %), а к 1990 г. — до 16,6 млн. человек (4 % от всего населения). В конце 90-х годов численность иммигрантов в странах, входящих в Европейский Союз, составила 20 млн. человек [6], а в конце 2014 г. на этих территориях проживало уже 60 миллионов этнических меньшинств, составляя 12 % от общего населения. По данным пограничного агентства ЕС Frontex, с начала 2015 года на территорию Евросоюза прибыли 340 тыс. мигрантов [22].

Ситуация осложняется тем, что изначально гетерогенная в этническом отношении Европа в настоящее время еще более диверсифицируется притоком иммигрантов, чьи культурные паттерны существенно отличаются от европейских. Популярная гипотеза «плавильного котла», предполагающая возможность полного растворения национальных культур в единой субстанции, всё больше вытесняется гипотезой «миска салата» [5], подразумевающей видимость и существенную значимость составных лингвокультурных частей в рамках единого геопространства.

В настоящее время Западная Европа, некогда проводившая свои духовные ценности в остальные регионы, сталкивается с настолько интенсивными процессами миграции, что можно говорить о существовании такого явления, как «обратный колониализм», когда выходцы из некогда колонизированных территорий активно заселяют и этнически, и культурно трансформируют бывшие колониальные державы.

Основным вектором направленности миграционных процессов в настоящий период времени является «восток-запад». Исламские страны играют в нём ключевую роль, и поэтому можно с достаточной долей уверенности говорить не просто об усилении межкультурного и, как следствие, межъязыкового взаимодействия на территории европейского региона, а о полноценном лингвокультурном столкновении двух существенно отличающихся друг от друга цивилизаций: европейской, опирающейся в настоящее время на принципы светской этики, и арабской, базирующейся на мусульманских ценностях.

Активный приток иммигрантов-мусульман начался в 60-е гг. XX века. Его основную часть составляли экономические мигранты, прибывшие в Европу вследствие процессов деколонизации. Их принято называть первым поколением исламских мигрантов, для которых сам факт переезда в «благополучную» Европу являлся благоприятной переменной в их жизни. В настоящее время их возраст составляет примерно около 60 лет. Второе поколение мусульман Европы состоит из детей этих трудовых мигрантов, которые приехали в Европу маленькими детьми или уже родились там. Их возраст в среднем составляет 35-40 лет. Люди этого поколения не были благодарны Европе только уже лишь за право проживания в ней: они сталкивались с социальным расслоением, невозможностью получить те блага, которыми в избытке обладали их европейские сверстники. Третье поколение мусульман в Европе – это дети первых мигрантов, выросшие и даже получившие образование в европейских государствах и имеющие гражданство. В то же время, несмотря на их полное погружение в европейскую среду, среди них особенно распространены идеи радикального ислама, экстремизма; они обостренно чувствуют свою принадлежность к исламскому сообществу. Во многом это связано с тем, что ожидания, которые с детства имеют молодые мусульмане, представители третьего поколения, не совпадают с их реальными возможностями [9].

Исследование аналитического агентства Populus выявило тенденции существенной радикализации взглядов европейских мусульман в возрасте от 16 до 25 лет. Данные существенно контрастируют с показателями отношения к экстремистской идеологии мусульман старшего поколения (см. Таблица 1).

Таблица 1. Отношение мусульман к радикальным исламским взглядам (% от общего числа респондентов) [9]

Пункт опроса.	Молодые мусульмане в возрасте от 16 до 25 лет, % поддержки.	Мусульмане старшего поколения (старше 55 лет), % поддержки.
Введение на Британских островах законов шариата	67 %	17 %
Мусульманин, перешедший в другую религию, должен караться смертью	36 %	19 %
Обязательное ношение женщинами хиджаба	74 %	28 %
Восхищение такими организациями, как Аль-Каида	13 %	3 %

Источник: составлено автором по данным [9]

В целом, можно сделать вывод о том, что если раньше исламские этнокультурные меньшинства в основной массе стремились к слиянию с большинством, то сейчас они активно подчеркивают несогласие с западными ценностями, свою чуждость европейскому обществу, что еще больше осложняет межкультурную коммуникацию [16].

Сейчас в странах Западной Европы проживает около 15 млн. мусульман. Лидером является Франция, где ислам исповедует 4,7 млн. человек, т. е. приблизительно 7 % населения страны. Второй страной, принявшей максимальное количество иммигрантов-мусульман, является Германия. Там проживают 4,1 млн. мусульман, что составляет 4 % всего населения. На третьем, по данному показателю, находится Великобритания, в которой проживает 2,8 млн. мусульман (4,5 % населения). Четвёртой страной по количеству проживающих в ней мусульман является Италия (1,5 млн. человек, что составляет 2,5 % населения). За ней в данном рейтинге следует Испания (1 млн. человек — 2,2 % всего населения). По прогнозам экспертов-социологов, мусульманское население Европы будет увеличиваться: к 2030 году мусульманское население превысит 58 млн. человек; его доля в составе европейского населения составит около 8 %. Лидировать по темпам роста будет Великобритания: предположительно, к 2030 году мусульманское население увеличится с 2,8 до 5,5 млн. человек [7].

При данных обстоятельствах автору представляется неизбежным рост этнического напряжения, основанный на столкновении и противостоянии европейских и исламских ценностей. Одним из основных

предметов данного конфликта является абсолютно противоположное отношение обеих сторон к нормам права как основного регулятора общественной жизни. Проблема во многом заключается в противостоянии правовых культур. Современную европейскую цивилизацию определяют правовые ценности: право определяет границы действия других регуляторов общественной жизни и олицетворяет правила жизни в данном обществе. Религиозные ценности же могут получить аналогичное признание только после облечения их в правовую форму. В мусульманском обществе присутствует совершенно иная иерархия права и религии: право определяется религиозными правилами, права и свободы человека лимитированы нормами шариата, причем нормы шариата воспринимаются мусульманами как непререкаемые, не подлежащими критике или пересмотру, а ислам понимается как основа их цивилизационной идентификации [13].

Подобное мировоззрение порождает особую культурную экспансию ислама как способ противостояния враждебному европейскому правовому полю. Ярким примером подтверждения этого является исследование профессора Национального центра научных исследований и Центра международных исследований Жана-Франсуа Байярта «Республиканский ислам» (2009), в которой, исследуя соответствие мусульманских норм французским республиканским принципам, он обращает внимание читателей на активное развитие неопундаменталистских течений ислама в современной Франции, где мусульманская диаспора превышает все остальные в Европе. Цель неопундаменталистов – создание единой мусульманской общины под их руководством. Они характеризуются неприятием интеграции в европейское общество и выступают за создание в Европе особых зон, жизнь в которых будет полностью подчинена законам шариата. Во Франции существует большое количество официально зарегистрированных организаций, разделяющих подобные взгляды. Наиболее многочисленными по числу сторонников и влиятельными являются Союз исламских организаций Франции и Партия мусульман Франции. И хотя, по мнению европейского специалиста по исламу Оливье Руа, в последнее время в Европе активизируются и так называемые «светские мусульмане», выступающие за демократические идеалы, а известный мусульманский мыслитель и философ, профессор Фрибурского университета Тарик Рамадан говорит о существовании европейской исламской культуры, последователи которой верны традиционным мусульманским ценностям и в то же время успешно интегрируются в европейское общество, в целом, можно говорить о том, что агрессивная мусульманская экспансия придаёт конфликтный потенциал европейской общественной жизни [3].

Помимо столкновения различных фундаментальных ценностей, в картине конфликта присутствует и экономический аспект. Иммигранты в странах ЕС претендуют на существенные экономические и социальные блага, которые бременем ложатся на плечи налогоплательщиков - граждан и без того находящейся в затяжном экономическом кризисе Европы.

Еще до притока беженцев 2015 года сформировалось существенное недовольство граждан ЕС по отношению к иммигрантам-мусульманам: так, в Греции, Италии, Испании и Польше больше половины жителей характеризуются негативным восприятием проблемы [22].

Нынешняя социокультурная ситуация ставит новые вызовы перед европейскими властями. Из прибывших в Европу в 2015 г. беженцев из Сирии и Афганистана имеют оконченное школьное образование соответственно 40 и менее 20 процентов, основная масса которых не знает даже основ языка принимающей страны [21]. Таким образом, в настоящее время в Европе формируется значительная потребность в программах и проектах, направленных на лингвокультурную адаптацию мигрантов.

Наиболее проблемным аспектом данной ситуации является то, что уже присутствующее многомиллионное исламское население в Европе проживает в компактных сообществах, жизнь в которых полностью подчинена законам шариата. Прибывающие мигранты предпочитают пополнять численность подобных сообществ вместо того, чтобы инкультурироваться в западноевропейское общество. Необходимо подчеркнуть, что процесс создания подобных инокультурных групп, полностью отчуждающих локальные ценности принимающих стран, стимулируется в первую очередь именно за счет мусульман, которые особенно укреплены в нормах своего поведения [8].

В XXI веке межэтнические и межрелигиозные отношения в Европе достигли настоящего кризиса: Европа стала ареной терроризма, зачастую имеющего непосредственно исламскую окраску. Молодые мусульмане организовали взрывы в Мадриде и Лондоне. Заметным актом исламской агрессии можно назвать и убийство голландского режиссера Тео Ван Гога в Амстердаме, чья кинолента выставила ислам в нелицеприятном свете. Многие участники террористической атаки на США 11 сентября 2001 г. были мусульманами из европейских стран, представителями третьего поколения, приобщившимися к экстремистским ценностям в мусульманских анклавах. Организаторами терактов 11 марта 2004 г. в Мадриде также были молодые мусульмане, жители Мадрида, полноправные граждане Испании, проникшиеся экстремистскими идеями, изучая информацию в Интернете на радикальных исламских сайтах. Лондонские теракты 7 июля 2005 г. также были осуществлены британскими гражданами – молодыми людьми, выросшими и получившими

образование в Великобритании [9]. Террористические акты 13 ноября 2015 г. во Франции, унёсшие жизни более 130 человек, были совершены группой молодых радикальных исламистов, большинство из которых – урождённые граждане Бельгии.

Таким образом, можно говорить о маргинализации закрытых мусульманских этнических общин на территории западноевропейского региона, причем выходцы из данных общин пополняют группы активных маргиналов, способных на противозаконные, преступные, террористические деяния, представляющие угрозу для всего европейского сообщества. Как следствие, говорить о мультикультурализме, подразумевающим сохранение национальной и культурной идентичности мигрантов и успешное сосуществование множественных культур на одних и тех же территориях, как о подходе актуальном для современной Европы, не приходится, так как его активное использование представителями либеральных политических взглядов в политической, культурной и экономической жизни региона приводит к подобным деструктивным общественным процессам [14].

В современных условиях для решения проблем, связанных с инокультурной иммиграцией, в мировой практике применяются и другой подход – ассимиляция переселенцев в принимающее общество на базе социализации, то есть полноценного введения индивида в принимающую социальную среду, и инкультурации как освоения индивидом норм и традиций принимающей культуры. Целью данных процессов является частичное слияние иммигрантов с принимающим социумом.

Ассимиляционный подход долгое время преобладал в нормах миграционной политики Европы, однако в 80-е гг. XX века начал вытесняться политикой мультикультурализма, подкреплённой идеями о необходимости позитивной дискриминации этнических меньшинств. Позитивная дискриминация подразумевала предоставление различных льгот и привилегий этническим меньшинствам [17].

В конце XX века в западноевропейском регионе возникло три основных миграционных модели, направленных на организацию взаимодействия общества стран-реципиентов мигрантов и прибывающих на данные территории переселенцев. Французская модель предполагала, что иммигранты имеют своей целью инкультурироваться во французское общество. В соответствии с немецкой моделью, иммигранты – это люди, которые приехали для временного проживания и со временем собираются вернуться в страны своего происхождения; в рамках данной модели вопросы ассимиляции не поднимались. Ключевым концептом в британской модели стало понятие партнерства, подразумевающее социализацию иммигрантов с целью их полноценного вовлечения во все аспекты жизни британского общества [9].

Мультикультурализм как ключевой подход к решению миграционных вопросов, относительно успешно просуществовал в Европе до начала XXI века. К этому времени своего пика достигли дебаты общественности о его несостоятельности, подкрепленные статистическими данными и публикациями европейских учёных. Яркими примерами подобных работ являются публикации Тило Саррацина «Германия – самоликвидация» (2010) и Хайнца Бушковского «Нойкёлльн повсюду» (2012), затронувшие проблемные для европейского общества аспекты существования слабо ассимилированных маргинальных мусульманских общин. Оба автора подчёркивают не только нежелание их представителей интегрироваться в немецкое общество и незнание ими даже основ немецкого языка, но и агрессивное, враждебное отношение к коренному населению Германии. Ответственность за данную ситуацию в обоих публикациях возлагается на либерально настроенных представителей власти, провозгласивших мультикультурализм в Германии официальной миграционной политикой. Официальные заявления представителей власти Германии, Франции и Великобритании Ангелы Меркель, Никола Саркази и Дэвида Кэмерона подтвердили данные выводы и явились признанием того, что мультикультурализм больше не отвечает европейским реалиям [1, 17].

Данный вывод может подвести к выводу о необходимости ассимиляции мусульман в общества тех стран, на территории которых они проживают, как единственно возможным решении существующего кризиса. Однако в данных условиях ассимиляция мусульманских этнических групп представляется практически невозможной. Для подтверждения данного предположения разумным представляется обращение к теоретическим аспектам процесса ассимиляции инокультурных групп.

По своей сути, ассимиляция – процесс сложный и многоступенчатый. Попадая в инокультурную среду, в чужую страну, чужое общество, иммигрант, личность которого сформирована под влиянием иных социокультурных факторов, в общем и целом испытывает психическое потрясение, связанное с ощущением потери привычного мира и отчужденности по отношению к новой среде. Происходит внутренний конфликт, основанный на столкновении в сознании индивида ценностных установок различных культур, который в литературе принято называть «культурным шоком».

Культурный шок, чья сила и интенсивность зависят, прежде всего, от причин эмиграции, уровня психологической подготовленности субъекта, является одной из причин возникновения у индивида когнитивного диссонанса, вызывающего у него психологический дискомфорт. Исходя из положений теории

когнитивного диссонанса Леона Фестингера, диссонанс является дискомфортным состоянием для индивида, поэтому он прикладывает силы для его снижения и достижения консонанса, а также избегает ситуаций и информации, способствующих усилению диссонанса [15].

Следуя этой логике, лингвокультурная адаптация, представляющая собой целенаправленный, программируемый процесс обмена информацией о своей и чужой культурах и языках [5], представляется подходящим способом снижения когнитивного диссонанса, так как она направлена на устранение причин его возникновения у иммигранта – снижение уровня культурного шока и последующего его устранения с помощью введения индивида в принимающую языковую и культурную среду.

В подтверждение гипотезы о том, что в данном случае для смягчения конфликтной ситуации необходима именно лингвокультурная адаптация иммигранта, релевантным представляется обращение к гипотезе о том, что разные языки, хотя и не в определенной степени, предполагают различное мировоззрение их носителей. Еще Вильгельм фон Гумбольдт говорил о том, что язык народа представляет собой его дух. Представления Гумбольдта разделял выдающийся лингвист Эдвард Сепир, а ученик Сепира Бенджамин Уорф впоследствии сформулировал их в виде о концепции, известной как гипотеза лингвистического детерминизма и лингвистической относительности, в которой утверждается, что язык может определять мышление, и эта направленность связана с языком, на котором говорит человек [10]. Схожим образом язык интерпретирует Джеффри Ходжсон, который отмечает, что своё взаимодействие люди основывают на обычаях, нормах и институте языка [4].

Определяя культуру как подсистему общества, базирующуюся на совокупности ценностей, норм, образцов поведения и регулиующую действия и поступки людей [12], и опираясь на гипотезу лингвистического релятивизма, можно сделать вывод о существовании определенной культурной направленности с вектором от знания языка к постижению мира и приобретению общего мировоззренческого опыта [4].

В данной связи, справедливой представляется цитата швейцарского лингвиста Шарля Балли о том, что «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [2]. Выйти из круга одного языка и перешагнуть в круг иного для того, чтобы усвоить нормы принимающей культуры и стать полноценным членом общества, мигрант может только через лингвокультурную адаптацию, представляющую собой процесс освоения ценностей, норм, поведенческих и языковых моделей принимающей культуры [5]. Она подразумевает двусторонний характер процесса, основанный на качественных изменениях культуры, ментальности и языка как адаптируемых языковых личностей, так и агентов принимающей среды. Мигранты усваивают язык в единстве с концептами принимающей культуры, что способствует успешному выходу индивида за пределы собственного языкового мировоззрения через соприкосновение с чужим языком и культурой [5].

Однако теоретическая ценность лингвокультурной адаптации как фактора снижения этнической напряженности в европейском регионе не гарантирует успешной практической реализации её методов в современных реалиях региона. Как уже было отмечено выше, иммигранты из исламских стран прибывают в этнические мусульманские общины, чьи ценности и культурные модели соответствуют исходным ценностям и моделям переселенцев. Таким образом, они не попадают в инокультурную, чуждую им среду, не испытывают культурного шока и, как следствие, когнитивного диссонанса. Наоборот, при том же образе жизни, мышления, при тех же поведенческих нормах иммигранты получают те социальные и экономические блага, которых были лишены в стране своего происхождения, значительно повышают свой уровень жизни. Лингвокультурная адаптация при данных обстоятельствах рассматривается ими как бесполезная трата временных, интеллектуальных и финансовых ресурсов.

В среднем, только 20 % иммигрантов во всем европейском регионе и 17 % в странах ЕС владеют языком принявшей их страны (2012 г.). В то же время 2011-2012 гг. только 50 % нерезидентов европейских стран участвовали в образовательных, в т. ч. языковых программах; остальные ссылаются на слишком высокую стоимость образовательных услуг или их отсутствие [20].

Справедливость подобных жалоб можно опровергнуть, обратившись к современным лингвокультурным практикам Франции, Германии и Великобритании, стран, которые в настоящее время испытывают острую необходимость улучшения этноконфессионального климата в пределах своих границ.

Так, французские власти прилагают существенные усилия для решения проблем, связанных с распространением экстремистских взглядов среди представителей местной мусульманской диаспоры. Помимо резонного ужесточения миграционного законодательства и обустройства районов проживания мусульманских общин, для преодоления социальной маргинализации французское правительство даёт

возможность иммигрантам бесплатно пройти курс обучения французскому языку в объеме 400 часов и гражданского права и обязанностей в объеме 30 часов [3].

Многие учебные заведения Великобритании предоставляют возможность беженцам изучать английский язык бесплатно, а местные общественные и благотворительные организации получают специальное финансирование для организации языковых курсов, которые помогают беженцам изучить основы английского и получить базовые знания об английской культуре. Беженцы до 16 лет могут бесплатно обучаться в государственных школах, а лица, чей возраст превышает 16 лет, в зависимости от уровня своего образования могут быть зачислены на курс в британский колледж по усмотрению руководства образовательного учреждения [18].

В Германии существуют специальные бесплатные интеграционные курсы для иммигрантов, направленные на их адаптацию в принимающей среде. Данные курсы состоят из непосредственно языковой части, предназначенной для освоения иммигрантами основ немецкого языка, и ориентировочной, предполагающей изучение истории, культуры и правовой системы Германии. Помимо этого в 2015 г. Германское Федеральное агентство по труду (ФАТ) заявило о намерении дополнительно выделить из своих фондов от 54 до 121 миллиона евро для организации интенсивных языковых курсов для прибывающих беженцев, чье ходатайство на прошение убежища в Германии еще не одобрено [19].

Справедливым представляется вывод о том, что в наиболее привлекательных с точки зрения мусульманских переселенцев странах, существуют возможности бесплатного прохождения лингвокультурной адаптации, но они остаются нереализованными вследствие отсутствия мотивации со стороны иммигрантов. Таким образом, гипотезу о необходимости лингвокультурной адаптации для снижения этноконфликтного потенциала в западноевропейских странах можно считать теоретически подтвержденной и признанной региональными европейскими властями, однако практическая ее реализация остаётся недостаточно эффективной. Неоправданной следует признать практику придания мерам, направленным на лингвокультурную адаптацию, добровольного характера. Практика показывает, что мусульманские иммигранты предпочитают не пользоваться предоставляемыми им принимающими государствами культурно-образовательными возможностями.

На взгляд автора, перспективным решением данной проблемы представляется придание мерам лингвокультурной адаптации в Западной Европе обязательного характера при помощи закреплённых законодательством норм. Предлагается ввести обязательный контроль наличия у потенциального иммигранта базовых знаний языка и основ принимающей культуры до предоставления таковому возможности проживания на территории государства. В качестве дополнительных мер предлагается рассмотреть разработку и внедрение специальных психологических тестов, направленных на выявление восприимчивости потенциального иммигранта к культурному паттерну принимающего государства. Что касается не экономических мигрантов, приезжающих в Европу в поисках большего благосостояния, а непосредственно беженцев, прибывающих из зон военных конфликтов, предлагается законодательно закрепить необходимость обязательного прохождения ими специальных интеграционных курсов в кратчайшие сроки после получения ими убежища. В целом, в данных условиях необходима разработка государствами Европы комплексной языковой и культурной политики по отношению к иммигрантам, реализуемой на базе государственных учреждений, общественных организаций, университетов и школ, которая в изменившихся условиях сможет стать инструментом интеграции европейского общества.

Литература

1. *Андержанова Г. В.* Крах мультикультурализма в Европе // Вестник московского государственного лингвистического университета. 2011. Выпуск № 631. С. 22-34.
2. *Балли Ш.* Французская стилистика. Перевод с франц. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. 394 с.
3. *Долгов Б. В.* Арабо-мусульманская диаспора во Франции: исламская идентификация и светская демократия // Ислам в современном мире. 2012. № 3-4.
4. *Ерзникян Б. А.* Когнитивные аспекты институционального развития общественных систем // TERRA ECONOMICUS. 2014. Т. 12 № 1. С. 53-72.
5. *Зусман В. Г.* Лингвокультурная адаптация [Электронный ресурс] // Режим доступа: World Wide Web. URL: nnov.hse.ru/data/2012/02/09/1262599871 (дата обращения: 19.12.2014).
6. *Максаковский В. П.* Географическая картина мира. Кн. II: Региональная характеристика мира. М.: Дрофа, 2008. 480 с.
7. *Малахов В.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014. 232 с.

8. *Парманов Ф. Я.* Социокультурные аспекты современных миграционных процессов // Известия Алтайского государственного университета. 2011. С. 237-239.
9. *Понамарева А. М.* Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха // Индекс безопасности. 2007. С. 61-79.
10. *Слобин Д., Грин Дж.* Психоллингвистика. М.: Прогресс. 1976. 350 с.
11. *Степанова А. А.* Психологическая профилактика этнической отчужденности мигрантов // Педагогическое образование в России. 2015. № 2. С. 63-67.
12. *Степин В. С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб. 2009. С. 260-261.
13. *Сюкияйнен Л. Р.* Ислам и мусульманские меньшинства в Европе: противостояние правовых культур // Ишрак. Ежегодник исламской философии. – М.: Восточная литература. 2012. Вып. 3. С. 486-513.
14. *Узнародов И. М.* Проблема иммигрантов в страна Запада на современном этапе // TERRA ECONOMICUS. 2014. Т. 12 № 1. С. 115-122.
15. *Фестингер Леон* Теория когнитивного диссонанса = A theory of cognitive dissonance / Пер. А. Анистратенко, И. Знаешева. СПб.: Ювента, 1999.
16. *Хлыщёва Е. В.* Мультикультурализм – вызов для Европы. Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. Выпуск № 3. С. 63-67.
17. *Черняк А. В.* Политика мультикультурализма в Европе – опыт для России // PolitBook. 2015. С. 133-148.
18. The Department for Education and Skills of the United Kingdom, Aiming High: Guidance on Supporting the Education of Asylum Seeking and Refugee Children [Руководство] 2015. DFES Publications, Nottingham.
19. Deutsche Welle [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.dw.com. (дата обращения: 19.12.2014).
20. OECD/European Union (2015), Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In [Информационно-аналитический отчет] 2015. OECD Publishing, Paris.
21. Pew Research Center [Информационно-аналитическое агентство]. Режим доступа: <http://www.pewglobal.org/2014/05/12/chapter-4-views-of-roma-muslims-jews/#mixed-views-of-muslim-minorities>. (дата обращения: 18.12.2014).
22. Time to go // The Economist. – 2015. – 22nd September - 6th October. – P. 46-47.